

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Н.Т. Пахсарьян.</i> Актуальные проблемы современного французского литературоведения	11
<i>Т.Н. Красавченко.</i> Золушка компаративистики – имагология: О статусе, теории и истории	46
<i>А.Е. Махов.</i> Исторические исследования эмоций в современном западном литературоведении	74
<i>Е.А. Цурганова.</i> Полифония русских голосов в западном литературоведении XX в.	104
<i>Т.Г. Юрченко.</i> Интерпретация или понимание: О бахтинистике начала XXI века	119
<i>Е.В. Соколова.</i> Истоковать и / или исчислить: О возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и <i>digital humanities</i>	142
<i>В.М. Кулькина.</i> Современное американское литературоведение о проблематике постмодернистского романа США	156
<i>Е.В. Лозинская.</i> Чикагская школа, Уэйн Бут и современная риторическая теория нарратива	166
Именной указатель	212
Предметный указатель	217

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов продолжает серию исследований в области теории литературы и зарубежного литературоведения, проводившихся в Отделе литературоведения с 1974 г.¹

XX век в литературе стран Запада отмечен небывалым расцветом теории литературы и литературной критики, опережающим собственно литературно-художественный процесс.

За истекшее столетие ученые-филологи стран Запада разработали поистине новаторские концепции, реконструирующие «старое» литературоведение, и предложили современные методики исследования литературных произведений. «В первой половине XX в. литературоведение в каждой из ведущих стран Запада имело свои характерные специфические направления. В Германии – это феноменология и герменевтика, трансформированные в 60-е годы в разновидности рецептивно-эстетических теорий. Во Франции – это структурализм, сменившийся в середине 60-х годов постструктуралистской доктриной. В англосаксонском литературоведении – это почти 50-летнее господство “новой критики” и деконструктивистской практики в конце столетия»².

В 70-е годы на Западе была еще достаточно сильна поляризация многочисленных литературно-критических школ по их приверженности либо сциентистскому, либо антропологическому типу построения концепций, проявившаяся, прежде всего, в противостоянии структурализма и герменевтики. Но уже в начале 80-х преобладает тенденция выравнивания литературно-критических процессов в странах Западной Европы и США, отмеченная возвра-

¹ См.: Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 6.

² Цурганова Е.А. Панорама западного литературоведения XX века // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 10.

том интереса к культурно-историческому методу, к феноменологии и герменевтике исторической школы. Одновременно повышается внимание к изучению восприятия художественной литературы, к степени усвоения индивидом художественных достижений прошлого и его способности видеть в них источник формирования собственного сознания. Исходной методологической предпосылкой большинства литературоведческих работ становится объединение двух аспектов: изучение истории возникновения литературного произведения с помощью *герменевтической интерпретации* обогащается изучением истории воздействия произведения на читателя с помощью *рецептивной эстетики* и социологических исследований... Важнейшей тенденцией, также свидетельствующей о выравнивании литературно-критической мысли в странах Запада во второй половине XX в., является бурное вторжение в литературоведение постструктурализма с его отказом от логоцентризма западной философской традиции. Вся вторая половина XX столетия отмечена функционированием мирового и влиятельного интердисциплинарного идейно-эстетического течения, получившего название «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса» (И. Ильин), охватившего различные сферы гуманитарного знания, в том числе и литературоведение»¹.

В последнее десятилетие XX в. появились работы², авторы которых критикуют деконструктивизм за его демонстративный отказ от общих логических оснований, которые дают возможность создания теории литературы как науки.

С 2000-х годов начинается новый этап в развитии литературной теории. В открывающей настоящий сборник статье «Актуальные проблемы современного французского литературоведения» Н.Т. Пахсарьян оценивает состояние современной литературной теории во Франции, стране, где наиболее активно осуществился бурный переворот 60–70-х годов. Автор характеризует этот этап как процесс «деканонизации, деиерархизации постмодернистской эпохи и поиски литературного канона в связи с пересмотром учебных программ по литературе в вузах. Понятие «литературный канон» имеет не только эстетическое, но и социально-политическое измерение.

¹ Цурганова Е.А. Панорама западного литературоведения XX века // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 15–16.

² Ellis J.M. Against deconstruction. – Princeton; N.Y., 1989. – X, 168 p.

Вопрос о литературном каноне неотделим от проблемы развития общего и сравнительного литературоведения. Литературная компаративистика стала предметом многочисленных дискуссий в Европе и Америке, в ходе которых ученые пришли к двум противоположным выводам – о смерти сравнительно-исторического метода исследования и о его возрождении. Сторонники второго подхода считают, что в сравнительном литературоведении объединяются рецептивные исследования, жанрология, имагология, геокритика, постколониальные исследования.

Компаративизм объединяет разнообразие дисциплинарных подходов.

Природе *имагологии*, понятие которой сравнительно недавно вошло в научный оборот, посвящена статья Т.Н. Красавченко «Золушка компаративистики – имагология: О статусе, теории и истории». Имагология возникла как новая субдисциплина в рамках сравнительного литературоведения и быстро обрела свое лицо и специфику. М.-Ф. Гийер обосновал органичность имагологической проблематики в рамках Парижской школы сравнительного литературоведения.

Преимущество в дискуссиях об имагологии получило мнение о том, что имагология исследует ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации и их объективирование в литературе. Исследователь национальных образцов должен использовать методы пограничных наук и прежде всего литературоведения, поскольку для литературных произведений национальные образы имманентны, их можно анализировать и с позиций «новой критики», и с учетом национального социокультурного контекста.

Автор статьи подчеркивает, что во второй половине 1990-х годов имагология стала активно развиваться в российской науке¹.

В статье «Исторические исследования эмоций в современном западном литературоведении» А.Е. Махов пишет о междисциплинарном характере исследований в этой области, которые стали предметом исторически ориентированных исследований сравнительно недавно – с 1990-х годов – и постепенно отвоевывали исследовательскую территорию у психоанализа с его внеисто-

¹ См.: Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен, теоретический аспект: Рецепция и репрезентация «другой» культуры // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. – М., 2006. – № 1. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=238

рическими и биологическими концепциями. Раскрыто принципиальное различие между психоисторией, представляющей собой раздел психоанализа, и исторической психологией. Исторические исследования эмоций концентрируются на «внешнем» – на телесных проявлениях эмоций, жестов, мимике, физических действиях, ритуалах и т.п. Они сосредоточены на способах и функциях *изображения* психоэмоциональных феноменов и не пытаются проникнуть в глубины переживаний автора или героя, тем более в их бессознательное.

Связь эмоции с исторически определяемыми ментальностями открывает возможности для построения целостной «эмоциональной панорамы» определенной эпохи.

За три десятилетия активного развития в рамках исторической психологии сложился ряд продуктивных исследовательских методик. Первая отечественная работа, принадлежащая этому направлению, – книга А.А. Зорина о русской эмоциональной культуре конца XVIII – начала XIX в.¹

В статье Е.А. Цургановой «Полифония русских голосов в западном литературоведении XX в.» представлено влияние отечественной науки о литературе на развитие западного литературоведения. На протяжении всего истекшего столетия влияние идей русских исследователей на формирование теоретических идей стран Западной Европы и США было весьма ощутимым.

Р. Барт испытывал влияние Н. Трубецкого и В.Я. Проппа, представителей русской формальной школы в понимании значения парадигматического принципа для анализа знаковых систем. Особое внимание уделялось работам Ю. Тынянова по созданию теории литературной эволюции, исследованию пародии. Западные исследователи выделяют среди русских формалистов Б. Эйхенбаума в его стремлении к новизне постановки вопроса о методологии науки.

Специфическое поле влияния русской отечественной мысли на литературную теорию стран Западной Европы и США составляет творчество М.М. Бахтина. В статье Т.Г. Юрченко «Интерпретация или понимание: О бахтинистике начала XXI века» раскрыта роль творческой деятельности Бахтина в знаменательной для философии XX в. смене философско-гуманитарной парадигмы от «мира науки к миру жизни». В русской философии эта решающая смена философско-гуманитарной парадигмы не произошла ни в

¹Зорин А. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.

русской философии, ни в научно-материалистическом, ни в религиозно-идеалистическом «мечтательстве о главном». «Революция в мышлении» совершилась в России в области филологии, в деятельности М.М. Бахтина. Бахтин «не просто участвовал в этом переходе от мира науки к миру жизни» в научно-философском познании, но создал терминологию его описания.

В статье Е.В. Соколовой «Истолковать и / или исчислить: О возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities» анализируется процесс внедрения компьютерных методик в литературоведение, наблюдающийся в последнее десятилетие XX и начале XXI в.

Принципиальная роль в работах по количественному анализу отводится понятию дистанционное, просмотровое, «дальнее чтение» (distant reading), введенному в противовес «медленному» (пристальному) чтению (close reading), предполагающему вдумчивое изучение отдельного литературного текста в рамках герменевтической традиции. Это – появление совершенно новой дихотомии в поле зрения литературоведения.

Концепция «пристального прочтения» (close reading), введенная «новой критикой», тщательно разработана. Это методика работы с текстом, требующая от читателя фокусирования внимания в процесс чтения на произведении как таковом¹. Американские литературоведы утверждают, что техника пристального прочтения, считавшаяся ранее методикой лишь «новой критики», теперь является первоосновой литературной критики.

«Дальнее чтение» (distant reading) определяет новый подход к традиционному вопросу литературоведения о том, каким образом единичные факты чтения могут быть обобщены в рамках литературной истории. Среди стратегий «просмотрового чтения» выделены *стилометрические подходы*, в значительной степени обходящиеся без чтения в герменевтическом понимании. Стилометрия осуществляет статистическую обработку текстов, создавая их оцифрованный корпус.

Компьютерные методики в литературоведении – digital humanities, цифровые технологии обработки литературных текстов, статистические методы противостоят в своих основаниях рецептивно-герменевтическому подходу. Сторонники этого подхода убеждены, что актуализация текста происходит только тогда, ко-

¹ См.: Цурганова Е.А. Пристальное прочтение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 334–335.

гда потенциал воздействия, заложенный в произведении, совпадает с внутренней заинтересованностью современности, с ее ожиданием. Литературный текст укоренен в историческом контексте, поэтому объективность его интерпретации определяется по отношению к исторической ситуации и ее конкретному содержанию.

Объективность интерпретации в значительной степени обусловлена личностью интерпретатора, а не его мастерством в использовании компьютерных методик. Его способностью вычленив позицию современности по отношению к литературному произведению, созданному в эпоху, отдаленную от него промежуток исторического времени¹. Герменевтический подход утверждает также, что методологически адекватно определить рецептивную судьбу произведения можно только на основании исторического движения восприятия².

Подобные литературоведческие изыскания в принципе не приспособлены для оцифровки, однако сторонники «операционализации» подчеркивают реконцептуализирующий эффект компьютерных методов, которые якобы способны привести к переосмыслению возможностей и компетенций науки о литературе.

В статье В.М. Кулькиной «Современное американское литературоведение о проблематике постмодернистского романа США» говорится о том, что создатели постмодернистской прозы, среди которых Пол Остер, Сол Беллоу, Сири Хустведт, Дон Делилло, поднимают проблемы, волновавшие также и писателей-модернистов. Это отбрасывание традиции, жажда новизны, комплекс «автор – герой – читатель», отказ от последовательной интриги и т.п. Совершенно новое явление в этом ряду – понятие «*гетеротопия*»³, введенное в научный оборот французским философом, эпистемологом, историком Мишелем Фуко в работе «Слова и вещи» (1966), в докладе «Другие пространства» (1967) и активно осваиваемое современным литературоведением.

Сборник завершается статьей Е.В. Лозинской «Чикагская школа, Уэйн Бут и современная риторическая теория нарратива». С древности произведениями словесного искусства занимались

¹ См.: Цурганова Е.А. Герменевтика // Западное литературоведение XX века. – С. 100–102.

² См.: Дранов А.В. Рецептивная эстетика // Западное литературоведение XX века. – С. 350–353.

³ «Измывление одиночества» как место-гетеракрит в прозе Пола Остера // «Времена не выбирают...»: Монография. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – С. 153–159.

две дисциплины – поэтика и риторика. Актуальность данной проблематики подчеркивается тем, что в настоящее время, в период активных дебатов и дискуссий в политическом дискурсе, выросла роль второй дисциплины, когда особое значение приобретает не столько структура текста, письменного или устного, сколько воздействие его на аудиторию. Автор текста не элемент внутренней структуры произведения (текста), а компонент коммуникативного процесса.

Е.А. Цурганова

Н.Т. Пахсарьян

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее значительные работы французских ученых, исследующих состояние литературной теории в период глобализации и медиализации современной культуры. Основные направления анализа связаны с осмыслением особенностей трактовки литературного канона и его функции в современной культуре, с применением новых методов и возможностей литературной компаративистики, с дискуссией о понятии «мировая литература», а также с изучением динамики литературоведческой мысли, обращаемой не только и не столько к феномену интертекстуальности (как это было в последней трети XX в.), сколько, начиная с 2000-х годов, к интермедиальности и ее эстетическим последствиям.

Ключевые слова: литературная легитимация; канон; компаративистика; мировая литература; интермедиальность; интертекстуальность; глобализация.

Литературная наука во Франции ощущает настоящее время как новый этап развития литературной теории, начавшийся с 2000-х годов: будучи производным от теоретического переворота 1960–1970-х, этот этап, однако, имеет свои особенности, осмыслению которых посвящено достаточно много работ французских ученых. Состояние современной литературной теории в начале второго тысячелетия Ж. Бессьер, профессор Новой Сорбонны (Париж-III), определяет как «неуверенное вопрошание»¹. Ученый

¹ Bessière J. Petit état de la théorie littéraire contemporaine: Pour dire les droits de la rhétoricité et du doxique // Sillages critiques. – Paris, 2000. – N 1. – Mode of access: <http://sillagescritiques.revues.org/3124>

полагает, что нужны новые теоретические обоснования, которые неотделимы от анализа и фиксации эмпирических данных литературного процесса. При этом сохраняется, однако, неустранимый парадокс соотношения истории и теории литературы, амбивалентность филологической интерпретации: ученые описывают литературу (произведения, тексты, контексты) и в то же время пытаются выяснить, что является литературой, чем литературный дискурс отличается от любого другого дискурса. Таким образом, критики и теоретики литературы задаются вопросом, где начинается и заканчивается литература, предаются процессу выбора и анализа литературных произведений, не имея четких критериев литературности. Сегодня литературоведение отказывается от трактовки литературного текста как интранзитивного (по Р. Барту), замкнутого на самом себе, существующего вне истории, но одновременно признают недостаточность представления о произведении как форме коммуникации (по Р. Якобсону). Ж. Бессьер предлагает обратиться к тому, что он называет «литературным номинализмом»: к осознанию того, что свойство «литературности» придается произведению индивидуально, по собственному выбору. А с точки зрения Ф. Провенцано, литературные иерархии не статичны, они неизбежно выстраиваются, являются результатом битв в литературном поле (термин П. Бурдьё)¹. Подобное положение заставляет вновь и вновь ставить вопросы о том, в какой мере объективны и универсальны представления филологов о литературной классике, вершинах художественного слова, литературном каноне.

Деканонизация и деиерархизация постмодернистской эпохи и проблема литературного канона во французском литературоведении

Как известно, традиционный литературный канон подвергся критике, с одной стороны, сторонниками постколониальных и феминистских штудий (поскольку, с их точки зрения, этот канон утверждал доминирование текстов, написанных исключительно белыми мужчинами), а с другой – поклонниками модернизации обучения, обратившими внимание на интерес молодежи к иным

¹ Provenzano F. La consécration par la théorie // ConTEXTES. Revue de sociologie de la littérature. – Liège, 2010. – N 7. – Mode of access: <http://contextes.revues.org/4629>

авторам, а также к кино и другим типам медиа. Дискуссии о литературном каноне, которые активно велись в Европе и США в 1980–1990-е годы, в 2000-е стали предметом анализа во Франции, прежде всего, в связи с пересмотром учебных программ по литературе в вузах. В материалах Боннского международного colloquia о европейском литературном каноне профессор Вероника Жели¹ анализирует проблемы канона в контексте вопросов университетского образования и в связи с парадоксальной, по ее мнению, ситуацией литературоведов-компаративистов: волей-неволей они вынуждены ценить устоявшийся «европейский литературный канон» и оперировать понятием «европейская литература», но одновременно это мешает самоопределению компаративистики через объект изучения, запрещает функцию канонизации в ущерб изучению своеобразия национальных литератур. Во французских университетах существует курс французской и зарубежных литератур, однако нет отдельного курса «европейской литературы»². В то же время статистика включения в программу отечественных и зарубежных писателей демонстрирует доминирование сочинений на двух древних языках – греческом и латыни, и пяти современных языках – французском, английском, немецком, итальянском и испанском, а кроме того, фактическое использование в историко-литературных курсах четкого литературного канона: писатели – европейцы или североамериканцы, белые мужчины. Таким образом, очевидно, что понятие «литературный канон» имеет не только эстетическое, но и социально-политическое измерение. В. Жели указывает, что во Франции в конце 1990-х годов началась собственная «малая война вокруг канона»³, в ходе которой стало очевидно, что многие аспекты проблемы рассматриваются по-новому: теоретически ничто не мешает включению в программу более широкого спектра «неканонических» произведений, однако необходимы практические шаги – переводы, издания, распространение новых книг. Это делает на деле возможным исследование канонических и неканонических писателей, как и расширение и изменение самого содержания канона⁴.

¹ Gély V. La littérature comparée en France et le canon littéraire européen // Un Canon littéraire européen? Actes du colloque international de Bonn des 26, 27 et 28 mars 2014 / Michael Bernsen éd. – Bonn: Cultures européennes, 2017. – P. 111–120.

² Ibid. – P. 112.

³ Ibid. – P. 117.

⁴ Ibid. – P. 119.

Следует отметить, что во французском литературоведении не часто используется слово «канон»: этому термину предпочитают понятия «шедевр», «классическое произведение». С одной стороны, сходство и различие этих понятий выяснено не до конца (как отметила В. Жели), но с другой – позволяет увидеть исторические прецеденты современной дискуссии о каноне.

Так, по мнению А. Вьяла, история становления литературного канона во Франции отмечена двумя напряженными эстетическими спорами – в первой половине XVIII в. и в начале 2000-х годов. Ученый рассматривает эти эпизоды литературной истории как кризисные, а потому – показательные для определения кардинальных проблем эволюции художественной культуры, в том числе и ее социально-политического содержания¹.

Когда в 1738 г. аббат д'Оливе, член Французской академии, опубликовал «Заметки о грамматике у Расина», стилистический комментарий к расиновским трагедиям, он уделил внимание «небольшим погрешностям стиля, в них содержащимся». Автора этой «Заметки» резко атаковал другой литератор, аббат Дефонтен, дав своему труду сенсационный заголовок: «Отмщенный Расин». Если Оливе выражал академическую позицию, считал необходимым выпускать серию знаменитых авторов с критическими комментариями, фиксирующим их недостатки, то Дефонтен, не отвергая саму идею классического канона, полагал, что Оливе трижды ошибается: он предлагает поэтическую модель в качестве обучающей молодых прозаиков; видит ошибки там, где речь должна идти о поэтических вольностях; считает себя способным судить гений Расина. Потому книга Оливе «опасна для вольностей французского Парнаса». Данный спор имел, по мнению А. Вьяла, очень большое значение для понимания и оценки классических французских писателей, он знаменовал самый акт рождения идеи литературной классики.

Смерть этой идеи автор статьи относит к 2000 г. В марте того года газета «Монд» опубликовала заметки двух лицейских преподавателей. Одна называлась «Мы убиваем самое литературу!», вторая – «Против отмены сочинения». Последовала немедленная реакция со стороны Ассоциации преподавателей французского языка, после чего развязалась длившаяся несколько лет дискуссия

¹ Viala A. Querelles et légitimations. Quand le spectre de la mort de la littérature hante les débats // Carnets [Revue électronique] / Association Portugaise d'études Françaises. – 2017. – N 9. – Mode of access: <http://carnets.revues.org/1995>

в газетах, на радио, на митингах возле Сорбонны и т.п. Спор шел о программах обучения литературе: на одном полюсе были «республиканцы», сторонники изучения национального наследия и традиционного сочинения, на другом – «педагоги», желающие нововведений. То есть это был аналог споров о классике в XVIII столетии.

Оба эпизода продемонстрировали очевидные различия литературных этапов, к которым они принадлежали, однако в то же время их можно связать между собой, поскольку в обоих случаях речь шла о легитимации литературы. Оба раза сталкивались позиции, имеющие отношение к программам обучения литературе. Первый спор возник в тот момент, когда эти программы только складывались, второй – тогда, когда все молодые французы ходили в школу и изучали литературные произведения. Но в обоих случаях речь шла об опасности возникшей ситуации, стороны обменивались обоюдными упреками в «убийстве литературы» и использовали трагический словарь.

Предметом спора в обоих случаях было определение того, что такое легитимная (признанная классической) литература. И в 1738, и в 2002 г. утверждали, что канонические авторы – это те, кто признан во всем мире. По ним существует *consensus omnium*. На самом деле, утверждает А. Вьяла, под кажущимся всеобщим согласием скрываются важные разногласия. Так, для Оливе всеми признанные авторы – только поэты, Дефонтен перечисляет прозаиков: Пелиссон, Фланье, Бюсси, Буур, Флери и Верто. Оливе не включает в круг классических расиновских трагедий его раннюю пьесу – «Фиваида», считает ее только пробой пера, а Дефонтен упрекает его за это. Сам Дефонтен называет признанными писателями Флери и Верто, но сегодня они известны разве что узким специалистам. А в 2002 г. спор идет о том, могут ли войти в корпус легитимных современные писатели, не отделенные от читателей большой временной дистанцией, участники актуального литературного процесса, а не только авторы, отделенные от читателей десятилетиями и столетиями. То есть состав литературного Пантеона – это постоянный предмет обсуждения, а стабильное согласие по поводу легитимной литературы – иллюзия. Все критики солидарны в том, что цель художественного канона – дать «модели правильного мышления и изъяснения» (это слова Оливе, но так же думают и в 2000-е годы). «Республиканцы» защищают сочинение, а «новаторы-педагоги» считают, что это – форма закрепощения, «в жизни мы не практикуем сочинение», нужны иные жанры.

При этом художественные ценности отсылают к социальным процессам демократизации и – шире – к политическому содержанию этих процессов. Так, главная цель Оливе в 1738 г. была связана с необходимостью снабдить Францию классиками литературы, поскольку у Италии уже были писатели-классики. Через 250 лет «республиканцев» волнует проблема интеграции иммигрантов (даже тех, кто рожден во Франции, но родом из Северной Африки, например), они уверены, что обучение молодежи латинскому и греческому языкам откроет и укрепит в ней понимание единства средиземноморской культуры. Очевидно, что при всем различии историко-культурных контекстов сохраняется тот факт, что легитимная литература появляется с учетом политической функции: либо она укрепляет идентичность, либо оказывается полезным фактором интеграции.

Обратив внимание на динамику литературного канона, А. Вьяла предлагает говорить, скорее, не о легитимности, а о легитимации. Легитимность – результат легитимации, постоянно оспариваемый и меняющийся. Легитимация – процесс постоянного спора, столкновения мнений, легитимность – установившееся соотношение сил в этом столкновении в определенный момент времени. Автор статьи вспоминает слова П. Бурдьё о том, что литературное поле соткано из сражений за «монополию литературной легитимности, за власть, позволяющую дать легитимное определение легитимной литературы»¹.

Если обратиться к конкретным историко-культурным обстоятельствам споров XVIII и начала XXI в., то и здесь можно увидеть сходство: спор Дефонтена с Оливе (сторонником Вольтера) неотрывен от его конфликта с Вольтером, автором стихотворных трагедий (отсюда – акцент на легитимации прозы); в 2000-е преподаватели древних языков беспокоятся по поводу закрытия классов, а директора издательств волнуются из-за падения книжных продаж. И в том и в другом случае речь идет о защите культурного престижа Франции, национальной идентичности и социальной репродукции.

Парадокс литературной легитимности состоит в том, что корпус канонических сочинений всегда является результатом консенсуса, но никогда не определен окончательно. Легитимность писателя считается критерием его высокой художественной ценности, однако невозможно сказать, в чем эта ценность заключает-

¹ Bourdieu P. Les règles de l'art. – Paris: Seuil, 1992. – P. 311.

ся. Когда мы имеем дело с объектами культуры, то понимаем, что судим о них с точки зрения вкуса, а не по объективным свойствам этих предметов, что речь идет не о правильном или ошибочном, а об относительно обоснованном суждении. Даже в случае, если ценность какого-либо произведения признана, существует *consensus omnium*, отдающий должное высоким качествам автора и его сочинения, мы все равно убеждаемся, что такой консенсус – оптическая иллюзия. К тому же такие произведения проходят длительный процесс легитимации, переживают и этапы неприятия и лишь в конечном счете оцениваются по справедливости.

Но большей частью канонический корпус имеет относительный, туманно-мистический характер: существуют тексты, потенциально способные войти в круг классики, и разные группы, участвующие в дискуссиях о легитимности, стараются включить в него какие-то из этих произведений, исходя из своих интересов. В приведенном примере из 1738 г. Дефонтен настаивал на равенстве Пеллиссона и Расина. Расин сохранил свой статус классика, Пеллиссон – нет, очевидно, поэзия Расина несла в себе что-то такое, чего не было у Пеллиссона. Но, возможно, Пеллиссон был необходим для становления прозы, был полезен в процессе обучения прозаическому письму.

Кроме того, некоторые тексты нуждаются в более длительном бытовании, чем другие, чтобы пробудить к себе интерес читателей, начать доставлять удовольствие от чтения. При этом их роль как моделей для письма может не соответствовать уровню читательского любопытства к ним. Легитимность для них существует в модусе чтения.

Таким образом, по мнению А. Вьяла, есть по крайней мере три сценария легитимации литературного произведения. Первый указывает на то, что существуют ценности, явно заслуживающие признания, произведения, воплощающие абсолютно прекрасное, которые медленно, постепенно, но добиваются всеобщего консенсуса по поводу их классичности. Второй связан с произведениями, составляющими корпус легитимной культуры в силу потребности тех или иных общественных сил, и их легитимность очевидно относительна. Третий сценарий можно назвать сценарием абсолютного релятивизма: в спорах о литературе сталкиваются социальные и политические силы, каждая по-своему определяет, что такое культурная легитимность в соответствии с собственными социально-политическими потребностями. Причем эти силы черпают из того

же культурного резервуара, в котором находятся произведения, ставшие классическими по первым двум сценариям, но они определяют ценность исключительно по внешним критериям.

Современная французская компаративистика на перекрестке теории и истории

Вопрос о литературном каноне неотделим от проблемы развития общего и сравнительного литературоведения, которые также являются предметом активных и часто острых дискуссий в современной Франции. Из довольно обширного списка исследований по проблемам сравнительного литературоведения остановимся на наиболее показательных.

Франсуаза Лавока, профессор Новой Сорбонны (Париж-3), утверждает, что литературная компаративистика – одна из тех научных дисциплин, в которых легитимность и эффективность метода исследования постоянно дискутируются¹. Не менее постоянны сетования на кризис компаративистики. В последнее десятилетие ученые пришли к двум противоположным выводам – о смерти сравнительно-исторического литературоведения (Спивак, 2003²) и о его возрождении (Дамрош, 2006³).

Подобный «агонистический» характер компаративистики может рассматриваться и как положительная, и как отрицательная черта. Негативные следствия постоянных методологических дискуссий заключаются в том, что ученые начинают ощущать усталость от необходимости все время доказывать важность сравнительно-исторического анализа, препятствовать его маргинализации.

Нападки на сравнительное литературоведение возникли в то же время, что и сама дисциплина. Вплоть до Второй мировой войны эту науку упрекали в космополитизме, поскольку ее появление связывали с распространением идеи всемирной литературы. Многие академические школы стремились сохранить (или выработать) национальный эстетический канон, и это оказывалось препятстви-

¹ Lavocat F. Le comparatisme comme herméneutique de la défamiliarisation // VOX-POETICA [Revue électronique]. – Paris, 2012. – 5 avril. – Mode of access: www.vox-poetica.org/t/articles/lavocat2012.html

² Spivak G. Ch. Death of a discipline. – N.Y.: Columbia univ. press, 2003.

³ Damrosh D. Rebirth of a discipline: The global origins of comparative studies // Comparative critical studies. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2006. – Vol. 3, N 1–2. – P. 99–112.

ем к развитию компаративистики. Однако в 1950-е годы в США сравнительные исследования стали средством доказать художественную самостоятельность американской литературы, ее непохожесть на европейские образцы. Кроме того, рост и самоутверждение национальных меньшинств в США в 1980–1990-е годы активно питали сравнительное литературоведение и меняли его.

Неудивительно, что в 1990-е годы интересы и методы компаративистов в Европе и в Америке оказались существенно различными. Для европейских исследований важны были поиски не культурных отличий, а общеевропейской общности, хотя ученые иногда обращались к тем изменениям европейской традиции, которые происходили в постколониальном мире. С 1960-х годов структурализм начал критику компаративистики за отсутствие развитой теории, особенно во Франции, где господствовало понятие «влияния». Замена термина «влияние» термином «интертекстуальность» отдалила сравнительное литературоведение от фундаментального для него принципа историзма и от претензий на объективность анализа. Но положительным моментом стала возросшая рефлексия специалистов над тем, каковы природа и причины сравнительного метода.

В США споры о природе компаративистики начались в 1970-е годы. В них поднимались вопросы о возможности собственной теории, об относительности теоретических обобщений как в сравнительном литературоведении, так и в гуманитарных науках вообще, о специфике компаративного анализа феминизма, постколониальных литературных текстов и т.п. Расширилась сфера интермедальных и междисциплинарных компаративных исследований.

Ф. Лавока ставит вопрос об этике сравнительных исследований, подчеркивая, что последние 20 лет компаративисты не случайно погружены в изучение второстепенных писателей и жанров, литературы бывших колоний, «других», «другости» и т.п., это позволяет поколебать чрезмерно устоявшиеся, «застывшие» в литературной науке культурные интересы и иерархию.

Сравнительное литературоведение – по преимуществу интерпретативная дисциплина. Объект сравнения конструируется исследователем. У студента, изучающего творчество Лафонтена, нет необходимости искать объект анализа – он ему уже дан. Но сравнение требует множественности объекта: не просто анализа параллелей (Пруст и Джойс, Пруст и Звево, Звево и Джойс), что, по мнению автора статьи, вышло из научной моды, а неизбежно субъективного выбора таких параллелей, их усложнения и т.п. Интерпретация пред-

полагает также и выбор ракурса сравнения, включает три концептуальные операции – экстенсивную (соединение некоего числа артефактов), интенсивную (выяснение общих и различных черт этих артефактов) и экспликативную (объяснение сходства и отличия).

Компаративистика выступает как герменевтическая практика. Сравнение между известным и неизвестным произведением (чаще всего – между европейским и неевропейским) часто оказывается инструментом непонимания. Например, когда французский переводчик Андре Леви, характеризуя пьесу китайского писателя Тан Сянь-цзу, сравнивает ее с пьесами Шекспира или Кальдерона, мы ничего не узнаем о поэтике этого произведения. Неизвестное не может быть объяснено посредством сопоставления с известным. Но если сделать обратный ход, попытаться истолковать известное через неизвестное, например, прочесть различные китайские, индийские и арабские сказки на тему сходства жизни и сна, весьма распространенные между VII и XIII столетиями, то можно обнаружить, что пьеса Кальдерона «Жизнь есть сон» выступает как своего рода поздняя художественная вариация этой темы. Смещение сна и реальности интерпретируют обычно как отличительную черту того, что в европейской культуре называется «барокко», однако такое сравнение со средневековыми сказками способно дестабилизировать распространенный канон, оно меняет привычный взгляд на то, что кажется нам знакомым.

Таким образом, в компаративистике активную роль играет операция остранения (термин В. Шкловского). Это попытка рассматривать объект так, как если бы мы не понимали его, хотя он с первого взгляда кажется нам понятным. Шлейермахер в свое время полагал, что непонимание носит всеобщий характер, а понимание – это лишь иллюзия. Метод компаративистики состоит в нарушении естественной когнитивной логики редукции неизвестного к известному.

Операции анализа и остранения в компаративистике комплементарны, они, по мнению Ф. Лавока, являются основным направлением современной компаративистики. Прежние перспективы объять необъятное, обрисованные Р. Этьемблем¹ (рекомендовавшим в свое время каждому компаративисту изучить не менее 12 языков), вызывают улыбку. Такая программа нереализуема, но желание узнать хотя бы один неевропейский язык помимо двух-трех европейских очень естественно и эффективно.

¹ Etienne R. Comparaison n'est pas raison: La crise de la littérature comparée. – Paris: Gallimard, 1963.

По отношению к литературе отдаленных во времени эпох (ранее XIX в.) знание неевропейских культурных феноменов и языков тоже полезно, однако временная дистанция создает не менее сильный эффект остранения, чем пространственная. Во-первых, очевидна множественность культур внутри старой Европы (присутствие евреев, арабов в европейском Средневековье); во-вторых, многие произведения оказались забыты, а те, которые признаны шедеврами (роман Сервантеса, пьесы Шекспира), сегодня явно нуждаются в литературоведческой деконструкции, должны стать объектами сравнительного анализа.

Ф. Лавока предлагает сочетать в современной компаративистике прием остранения с приемами реконструкции и актуализации. В качестве примера реконструкции она приводит работы знаменитого эллиниста Ж. Боллака, который воссоздает точный контекст произведений, выявляет их изначальный смысл, очищая от позднейших интерпретаций. Такой метод применяется при изучении истории рецепции. При актуализации, напротив, исследователь читает старинные тексты сквозь призму современной проблематики. Остранение же – это срединный путь, собственно герменевтический, когда берется во внимание историческая ситуация, в которой работает ученый, но основная цель – это попытка восстановить изначальный смысл произведения, посмотреть на него по-особому, связать его с другими произведениями и культурами. Цель такой операции – производство знания о произведении, а не его модернизация.

Что касается современной теории компаративистики, то наиболее последовательная критика ее содержится в работе А. Марино¹. Будучи учеником Р. Этьембля, А. Марино не одобряет компаративистов, порвавших с историзмом и увлекшихся семиотикой и структурализмом, он связывает методологию компаративных исследований только с определенным классическим типом анализа. Ф. Лавока, напротив, защищает метод плюрализма: в сравнительном литературоведении необходимо не только поддерживать, но и расширять разнообразие методологических подходов, необходимо отказаться от доминирования одного метода или школы. Компаративистика как герменевтика остранения выступает в качестве метатеории. Поэтому Ф. Лавока считает необходимой максимальную открытость сравнительного литературоведения – как на уровне объектов исследования, так и на уровне методов надо обращаться к максимально географиче-

¹ Marino A. *Comparatisme et théorie de la littérature*. – Paris: PUF, 1989.

ски и исторически широкому кругу литературных феноменов. Французские ученые должны больше изучать дискуссии о компаративистике, которые проходят в других странах, а также в других дисциплинах. Компаративистика – неустойчивая, подвижная отрасль литературоведения, чему способствует ее агонистическая природа, вечное напряжение между эпистемологическим скептицизмом и оптимизмом по отношению к собственным возможностям. Но эта подвижность позволяет расшатывать застоявшиеся, привычные концепции национальных литератур, позволяет выявлять в однородности современной глобальной культуры или в пространстве полузабытого прошлого особое и оригинальное.

Анна Томиш, профессор общего и сравнительного литературоведения в университете Сорбонны (Париж-4), задается вопросом о соотношении компаративистики и общего литературоведения с концепцией европейской и мировой литературы¹. Еще один из основателей литературной компаративистики во Франции, Р. Этьембль, сомневался в том, что теория литературы, не учитывающая все национальные культуры – китайскую, финно-угорскую, турецкую и т.п., может быть полноценной. С его точки зрения, такая теория может строиться только на максимально широком материале. Американское литературоведение издавна оперирует понятием «всемирная литература», а во французской науке и сегодня преимущество имеет понятие «литература европейская». Закономерно, что книга Ж.-Л. Акетта, опубликованная в 2005 г. как университетский учебник, называлась «Европейские чтения: Введение в практику сравнительного литературоведения»², а международный коллоквиум, проходивший в Швеции (2007), рассматривал проблему «Литература в Европе» и в докладах, авторы которых подчеркивали, что сравнительное литературоведение, развиваясь, «охватывает широкий круг европейских стран». Но это вовсе не означает, что поверх границ европейских стран создается целостность в виде «европейской литературы»: в Европе существуют различные национальные культуры, их сравнение и является предметом компаративистики.

Автор статьи уточняет соотношение концептов «европейская литература» / «всемирная литература» в целях углубления

¹ Tomiche A. Frontières du comparatisme // Between. – Cagliari, 2011. – Vol. 1, N 1: Frontiere. Confini. Limiti. – Mode of access: <http://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/143>

² Haquette J.-L. Lectures européennes. Introduction à la pratique de la littérature comparée. – Rosny-sous-Bois: Bréal, 2005. – 254 p.